

До возвращения Чу Ваннаня Ся Цинлу собирал вещи настолько медленно, насколько это вообще было возможно: он копошился, по полчаса складывал одну футболку и никак не мог запихнуть её в чемодан.

Чу Ваннань долго наблюдал за этим, прислонившись к дверному косяку. В конце концов, не выдержав, он подошел, отобрал несчастную футболку, в два счета аккуратно сложил её и убрал в открытый чемодан.

— Даже черепаха двигается быстрее тебя.

Сложив одну вещь, Чу Ваннань взялся за следующую.

Дома он полностью взял на себя все хозяйственные дела, так что опыта ему было не занимать, а движения его были ловкими и четкими.

Ся Цинлу беспомощно наблюдал, как меньше чем за десять минут гора одежды, которую он намеренно свалил в кучу, превратилась в идеальные стопки.

То, что могло пригодиться, было аккуратно уложено в чемодан, остальное — отправлено обратно в шкаф.

Ся Цинлу сидел на кровати, обхватив колени руками, и задумчиво шевелил пальцами ног.

Раньше он об этом не задумывался, но сейчас, глядя на Чу Ваннаня — красавчика с отличной фигурой, который к тому же мастерски ведет хозяйство, — он понимал: на рынке невест и женихов у того была бы бешеная конкуренция. Не зря в книге столько мужчин летели к нему, как мотыльки на огонь.

Кто откажется от такого домовитого парня, готового взять на себя весь быт?

Ся Цинлу не интересовался парнями, но даже у него при этой мысли екнуло сердце, что уж говорить о других.

Закончив с одеждой, Чу Ваннань нахмурился, изучая содержимое чемодана, затем внезапно присел и выдвинул ящик комода, достав оттуда два-три куска однотонной ткани.

Ся Цинлу, до этого витавший в облаках, при виде вещей в его руках мгновенно оживился и подскочил:

— Это я сам уберу!

Он выхватил свои трусы, кое-как запихнул их под одежду и быстро застегнул молнию чемодана.

Только сделав это, он смог выдохнуть.

Внезапно со спины повеяло жаром — Чу Ваннань подошел совсем близко. Ся Цинлу почувствовал едва уловимый аромат лимона.

Этот запах был ему хорошо знаком: когда он ночевал у Чу Ваннаня, то пользовался тем же гелем для душа.

Чу Ваннань не был привередлив в выборе средств гигиены — главное, чтобы запах не был таким приторным, будто ты валялся в цветочной клумбе. Поэтому когда-то он просто купил в

супермаркете первый попавшийся флакон, и, найдя аромат подходящим, пользовался им все эти годы.

Однако сейчас Ся Цинлу показалось, что запах геля стал чуть интенсивнее.

Может, производитель изменил концентрацию отдушки?

Он всегда удивлялся: этот гель пылился на полках, никому не нужный, пока цветочные серии той же марки захватывали рынок своим стойким ароматом. И только Чу Ваннань покупал его из года в год на протяжении лет семи-восьми.

Рука протянулась сзади, почти заключая Ся Цинлу в объятия; длинные сильные пальцы ухватились за бегунок и с резким звуком снова открыли чемодан.

— Мы еще не закончили, — голос раздался прямо над ухом. Он был похож на перышко, пробравшееся в ушную раковину, отчего Ся Цинлу невольно втянул голову в плечи.

Он зажал уши руками и кубарем скатился с кровати, ловко выскользнув из-под рук Чу Ваннаня.

— Не говори мне прямо в ухо! — Ся Цинлу принялся яростно тереть уши, пока они не покраснели, только так избавляясь от назойливого зуда.

Вот же гадство. В период мутации у всех были голоса как у драных котов, почему же голос Чу Ваннаня теперь звучит так глубоко и бархатно, будто в него золото подмешали?

Чу Ваннань не заметил зависти друга:

— Ты собираешься заканчивать или нет?

— Собираюсь, собираюсь, — Ся Цинлу нехотя пополз обратно.

«Завтра» наступило очень быстро. Чу Ваннань взял билеты на 09:10 утра, а это значило, что Ся Цинлу пришлось вставать на рассвете и вместе с другом тащить чемоданы в аэропорт.

Когда они встретились с Е Чангуаном, Ся Цинлу использовал Чу Ваннаня вместо столба: прислонился к нему и то и дело клевал носом, как цыпленок.

— Совсем засыпает, — ахнул Е Чангуан. — Он что, всю ночь в игры резался?

— Он слишком перевозбудился и не мог уснуть, — ответил Чу Ваннань.

Говоря это, он сам не знал, сердиться ему или смеяться. Вчера во время сборов Ся Цинлу всем видом показывал, что не хочет ехать, но чем ближе было время выезда, тем больше в нем бурлила энергия.

В три-четыре часа утра, когда Чу Ваннань вставал в туалет, он видел гору сообщений от друга.

«Спишь?»

«Ты же не спишь, да?»

«А ну вставай, поговори со мной, я уснуть не могу!»

«Раз я не сплю, с чего это ты дрыхнешь? Вставай быстро!!»

Просто слов нет.

— Возбудился? — Е Чангуан ущипнул Ся Цинлу за мягкую щеку, насмехаясь. — А кто вчера ныл, что не хочет ехать из-за жары?

Ся Цинлу находился в пограничном состоянии между сном и явью, и голоса вокруг казались ему жужжанием комаров.

Не открывая глаз, он наотмашь прихлопнул «комара». Послышался чей-то жалобный вскрик и возмущенное бормотание, а затем — другой, более спокойный голос.

А, это Чу Ваннань.

Ся Цинлу, собиравшийся было открыть глаза, снова их закрыл.

Вчера он ворочался с боку на бок и забылся сном только к шести-семи утра. Не успел он поспать и часа, как Чу Ваннань поднял его и потащил в аэропорт.

Ся Цинлу пребывал в тумане: его будто на автопилоте провели через все процедуры, и вот он наконец сел в кресло.

— Чу Ваннань? — потерянно позвал он, полуоткрыв глаза.

Тот надел на него маску для сна:

— Всё, спи.

Получив разрешение, Ся Цинлу окончательно успокоился, уронил голову на плечо друга и мгновенно уснул.

Они сидели втроем в одном ряду: Ся Цинлу у окна, Чу Ваннань посередине, а Е Чангуан с краю.

Е Чангуан посмотрел на Ся Цинлу, который так и не пришел в сознание с момента встречи, и приторно-тонким голоском затынул:

— Брат Чу-у~ Я тоже хочу поспать у тебя на плече-е~

— Исчезни.

Если на него навалятся с двух сторон, после посадки его руки просто отвалятся.

Е Чангуан не унимался:

— Ну всё, я сейчас обижусь!

Чу Ваннань достал вторую маску для сна и бросил ему:

— Спи уже.

Е Чангуан всё еще дулся, но чуть позже увидел, что у Ся Цинлу потекла слюна, и Чу Ваннань с брезгливым видом переложил его голову на другую сторону.

Ха! На душе сразу стало легче. Брат Чу всё-таки ко всем относится одинаково.

Довольный Е Чангуан надел маску и уснул.

Спустя два часа полета самолет наконец приземлился. Проснувшись, Ся Цинлу почувствовал, что шея затекла; он повернул голову, и раздался отчетливый хруст — непонятно даже, какая именно кость это была.

Он потянулся, игнорируя ломоту в мышцах, и почувствовал себя на удивление бодрым.

На выходе из аэропорта в лицо ударил прохладный ветерок; у одного из пассажиров даже сорвало соломенную шляпу, и тот бросился её ловить.

Ся Цинлу приоткрыл рот:

— Вот это да.

Небо было таким синим, будто на него опрокинули чан с краской, а по нему лениво плыли пышные белые облака, словно сошедшие с картин маслом. Огромный аэропорт, приятный воздух и не такое обжигающее, как ожидалось, солнце — всё это сразу настроило на отличный отдых.

У выхода ждали такси. Трое друзей погрузили чемоданы и отправились в путь.

— Чу Ваннань, я вижу снежные горы! — Ся Цинлу прилип к окну и, обернувшись, радостно закричал, указывая на белеющие вдали вершины.

Глаза его сияли, отражая солнечный свет, словно кусочки драгоценного стекла, а прямой нос отбрасывал небольшую тень.

Е Чангуан втиснулся рядом:

— Где? Дай посмотрю!

— Ого, и правда снежные горы! Брат Чу, иди глянь скорее!

Голоса двоих парней слились в единый восторженный гул.

Чу Ваннань усадил Е Чангуана обратно на место:

— Я вижу.

Снежные горы, казавшиеся из машины величественными, вблизи внушали еще больший трепет перед священной чистотой снегов. Могучие вершины, подобные суровым и неприступным стражам границы, с широтой души принимали туристов со всей страны.

Воздух здесь был холодным и кристально чистым; казалось, при глубоком вдохе ледяная свежесть проникает до самых легких.

В такой момент никто уже не думал о холоде. Ся Цинлу в возбуждении хотел было рвануть вперед со своим рюкзаком, но Чу Ваннань вовремя его перехватил.

— Не беги, сначала нужно заселиться.

Чу Ваннань одной рукой катил чемодан, а другой крепко держал Ся Цинлу за шиворот, не смея отпустить, — боялся, что тот мгновенно испарится.

Е Чангуан преданно семенил следом.

Отель располагался рядом с горами, балконы выходили прямо на вершины. Каждое утро, раздвинув шторы, при должном везении можно было увидеть чудо: «золотое сияние солнца на снежных горах».

— Я очень советую вам прокатиться на фуникулере и сходить на каток, это наши самые популярные развлечения. Или утром съездите на лодочную прогулку по озеру Фугуан, но нужно быть там пораньше, чтобы застать ледяной туман над водой — зрелище сказочное, будто в царстве небожителей.

За короткое время Ся Цинлу успел подружиться с девушкой на ресепшене. Та, поддавшись его обаянию и сладким речам, не поскупилась на рекомендации.

От каждого предложения захватывало дух.

Впрочем, для тех, у кого бюджет позволял, это не было проблемой.

Ся Цинлу гордо подбоченился и сделал командный жест:

— Вперед! Попробуем всё!

Первым делом они отправились на горнолыжный склон. Когда друзья добрались до места, там уже было довольно много народу.

Ся Цинлу осмотрелся, выбрал участок посвободнее, бросил взятый напрокат сноуборд, размялся и с радостным воплем устремился вниз.

Он был в восторге. Больше всех не хотел ехать, а теперь развлекался активнее всех. Е Чангуан даже не мог его догнать и лишь кричал во всю глотку:

— Помедленнее-е-е-е!

— Не могу-у-у-у! — донесся до него тающий вдали ответ.

На фоне их бесшабашного спуска Чу Ваннань выглядел куда увереннее и спокойнее.

Одетый в ярко-оранжевый горнолыжный костюм, шлем и маску, он скрывал лицо, но это ничуть не убавляло внимания к нему. Тот же фасон костюма сидел на нем лучше, чем на ком-либо другом. Широкие плечи, узкая талия, благородная осанка и отточенные движения — он был похож на посланника снежных гор или парящего в небе орла, сильного и прекрасного.

Янь Сюэхуэй молча следовал за этим мужчиной.

Он приехал сюда на пленэр вместе со своими однокурсниками с художественного факультета. Сегодня был последний день, и преподаватель дал всем вольную, чтобы ребята могли напоследок насладиться поездкой.

Горные лыжи были обязательным пунктом программы. Янь Сюэхуэй поначалу не хотел идти, так как совсем не умел кататься, но друзья настояли, клятвенно обещая: «Да брось, это проще простого, мы тебя научим!»

Однако спустя пятнадцать минут им надоело его «черепашье» катание, и они бросили его, умчавшись вперед.

Янь Сюэхуэй: ...

Ему ничего не оставалось, кроме как в одиночестве медленно сползать вниз.

И именно в этот момент в его поле зрения попал этот яркий силуэт.

Без преувеличения, глаза Янь Сюэхуэя под защитной маской мгновенно загорелись.

Как художник, он с первого взгляда оценил превосходные пропорции фигуры. Лица не было видно, но всё остальное — от макушки до пят — было безупречно. Идеальный костяк.

Сердце Янь Сюэхуэя забилося чаще.

Он давно искал идеальную модель, но все предыдущие кандидаты чем-то его не устраивали. Однокурсники, слыша его требования, считали его слишком придирчивым. И вот сегодня он случайно встретил этого человека.

Янь Сюэхуэй не мог успокоиться. Он во все глаза смотрел на незнакомца, постепенно теряя контроль над своими лыжами.

Без должного управления они мгновенно набрали скорость.

!

Сердце Янь Сюэхуэя ушло в пятки. Он плотно сжал губы, стараясь выровнять направление и летя прямо к своей идеальной модели.

Десять метров, пять, три...

Он сжал кулаки. Когда столкновение казалось неизбежным, незнакомец, будто почувствовав что-то, резко обернулся.

Янь Сюэхуэй испугался, окончательно потерял равновесие, и канты его лыж пропахали глубокую борозду на склоне. Снежная пыль взметнулась вверх, залепив маску.

Он попытался опереться на руки, но в итоге упал еще сильнее: всё закружилось, и он ударился головой о снег.

Янь Сюэхуэй тяжело дышал, места ушибов неприятно ныли. Он еще не понимал, насколько сильно пострадал, и пребывал в некотором оцепенении, как вдруг перед ним возникла рука.

— Ты в порядке?

Голос был холодным, немного низким, но при этом обладал той юношеской чистотой, которая мгновенно напомнила Янь Сюэхуэю о нефритовом кулоне, что висел у него на шее.

Он поднял голову и увидел пару острых и пронизательных глаз.